

Усадьба семьи Цзинь была обвешана белыми знаменами, призывающими души усопших, а у входа горели два поминальных фонаря.

Слуга с метлой в руках лениво подметал опавшие листья. Увидев Сяо Минъюэ, которая уверенно направлялась к воротам, он на миг замер, а узнав её, растерялся. Сяо Минъюэ, не сбавляя шага, двинулась внутрь, но слуга поспешно преградил ей путь:

— Госпожа Сяо, вам нельзя входить.

Сяо Минъюэ годами свободно посещала дом Цзинь, и сегодняшний запрет показался ей нелепым.

— Почему это мне нельзя войти? — спросила она.

Слуга замялся, почесал затылок и пробормотал:

— Наша госпожа Цзинь велела вас не пускать...

Сяо Минъюэ, знавшая порядки в доме уже больше десяти лет, с трудом сдерживая раздражение, уточнила:

— В доме есть супруга третьего сына и старая госпожа. О ком из них ты говоришь? Если это воля старой госпожи, я не войду. Но если это распоряжение кого-то другого, то я тем более пройду.

За годы странствий её мягкий нрав давно сменился жесткостью. В её голосе отчетливо слышалась угроза, способная напугать неопытного мальчишку. Слуга, не смея больше препятствовать, испуганно прикрыл рот ладонью и прошептал:

— Это старшая госпожа... распоряжение старшей госпожи.

Сяо Минъюэ направлялась в Западный двор. Усадьба Цзинь не отличалась особой роскошью, но беседки, сады и искусственные камни были подобраны со вкусом. Извилистый ручей огибал четыре двора, а пруды, заросшие лотосами, даже в пору начавшейся осени радовали глаз зеленью и нежными бутонами, покрытыми утренней росой. В бамбуковой роще у берега слышался шелест листвы — царила тишина и покой.

В Западном дворе, куда она шла, обычно стояла невыносимая жара, но сегодня воздух был прохладным. Сяо Минъюэ знала, что её сестра больше всего на свете не любила зной.

Проходя мимо Восточного двора, она услышала шум. По голосу она узнала старую госпожу Цзинь. Подойдя ближе, она услышала всхлипы:

— Не в золоте дело! Мой Шаои отдал жизнь за страну, его кости лежат в песках, а

окровавленные одежды вернулись домой. Но ни гроша пособия, ни доброго слова! Как мне не скорбеть?

Старая госпожа дважды с силой ударила тростью из сандалового дерева о землю. Слезы хлынули из её глаз, и она, не в силах сдержать рыдания, прижала рукав к лицу. Рядом стоял управляющий Чжу, служивший семье не один десяток лет. Он видел, как рос Шаои, и был привязан к нему, как к родному. Ему хотелось сказать, что без воинских заслуг награда не положена, но, не желая ранить старуху, он мягко заметил:

— Господин Шаои отправился на войну, и в благодарность за это уезд снизил нам налог на триста му полей в уезде Цинхэ. Я слышал, что господину Чэну из уезда Уюань, который вернулся калекой, выплатили всего восемьсот монет. Если рассудить, уезд проявил к нашей семье милость.

— Но мне... — старая госпожа ударила себя в грудь, — мне здесь больно! Шаои был единственным мужчиной в поколении внуков. Я просила нанять человека вместо него, но он настоял, чтобы идти самому. А теперь я горько жалею, что не послушала вторую невестку и не заперла его дома. Я опозорила предков...

Управляющий Чжу сокрушенно вздохнул:

— Прошу вас, госпожа, не изнуряйте себя.

Сяо Минъюэ, стоявшая за дверью, нахмурилась. В этот момент кто-то с силой толкнул её в спину. Лепешка, которую она держала в руках, выпала и покатилась по земле.

Раздался резкий, визгливый голос:

— Откуда взялась эта воровка!

Сяо Минъюэ посмотрела на испачканную в грязи лепешку, прикусила губу и помрачнела. Она знала, кто её толкнул.

— Госпожа Цзинь.

Она обернулась. Перед ней стояла девушка с высокой причёской, украшенной золотой заколкой. На ней было небесно-голубое платье и туфли с загнутыми носками. В ушах сверкали драгоценные серьги. Рядом с ней стояла старшая госпожа Лин. Мать и дочь были одного поля ягоды — такие же высокомерные и спесивые. Лин даже не обратила внимания на грубость своей дочери, лишь поправила золотые подвески в волосах.

— Сяо Минъюэ, кто тебя впустил? Сторожевые псы вечно заглядываются на чужое мясо, я велю их выпороть!

— Заткнись.

Цзинь Шаоцзюнь опешила от такой дерзости и побледнела. Они знали друг друга с детства, и их вражда была крепче стен этого дома. Не желая уступать, она насмешливо бросила:

— Посмотри на себя, всё такая же бесполой девица. Прокралась в наш дом, как воровка... Ах да, ты же пришла в Западный двор искать неприятностей.

— Кого ты назвала неприятностью?

Сяо Миньюэ прищурилась и потянулась к рукояти своего кнута.

Цзинь Шаоцзюнь инстинктивно спряталась за спину матери. Лин, словно наседка, защищающая цыпленка, закричала:

— Это тебе не дом Сун, это усадьба Цзинь! Что ты себе позволяешь?

Лин привыкла давить на людей своим положением, но Сяо Миньюэ медленно размотала длинный, гибкий кнут. Её лицо, тонкое и холодное, не выражало той слабости, которая была присуща другим девушкам её круга. Напротив, от неё исходила угроза.

— Если я решу устроить здесь беспорядок, никто меня не остановит.

Она без колебаний хлестнула кнутом. Раздался оглушительный щелчок, и Лин с дочерью в страхе подпрыгнули, вцепившись друг в друга. Кончик кнута лишь слегка коснулся земли у ног Цзинь Шаоцзюнь, но этого хватило, чтобы привести их в ужас.

Шум привлек внимание старой госпожи Цзинь. Она, пошатываясь, вышла из комнаты, и Цзинь Шаоцзюнь тут же бросилась к ней:

— Бабушка! Эта служанка Лу Цзюин хотела меня ударить кнутом! Не пускай её больше в наш дом!

Лу Цзюин была побратимой сестрой Сяо Миньюэ.

— Довольно, — устало проговорила старая госпожа, вытирая слезы. — В доме траур, а вы устроили крики. Что за манеры?

Лин, воспользовавшись моментом, подтолкнула дочь и подхватила старую госпожу под руку, подобострастно улыбаясь:

— Матушка, Шаоцзюнь так беспокоится о вас, что с самого рассвета готовила суп с карасем. Вот, пришла засвидетельствовать почтение. Я уже отнесла порцию во второй двор.

Сяо Миньюэ стояла в стороне, сматывая кнут. Она лишь усмехнулась про себя. Лин всегда была мелочной и годами враждовала со второй невесткой, госпожой Цинь, которая держала в руках все хозяйство дома.

Цзинь Шаоцзюнь попыталась снова сверкнуть глазами на Сяо Миньюэ, но, заметив, как та приподняла руку, тут же втянула голову в плечи. Старая госпожа повернулась к Сяо Миньюэ:

— Ты пришла к Цзюин? Её нет в доме.

— В смысле, нет в доме?

Сяо Миньюэ нахмурилась, но Цзинь Шаоцзюнь перебила её с торжествующим видом:

— Лу Цзюин провинилась, и её отправили в травяную хижину в уезде Цинхэ присматривать за полями.

Сяо Миньюэ больше не могла сдерживать гнев.

— В чем провинилась моя сестра?

Ни Лин, ни Цзинь Шаоцзюнь не ответили. Старая госпожа лишь тяжело вздохнула. В разговор вступил управляющий Чжу:

— Полгода назад, когда пришло известие о смерти господина Шаои, во втором дворе случилась беда. Девятая госпожа разбила нефритовый браслет госпожи Цинь — тот самый, что господин Шаои подарил матери на день рождения.

Сяо Миньюэ не верила ни единому слову. Никто не знал Лу Цзюин лучше неё.

— Моя сестра всегда была осторожна. Даже если она разбила браслет, разве это повод ссылать её в деревню? Где же ваша справедливость?

Цзинь Шаоцзюнь тут же вставила:

— Конечно, вы же сестры, вот и защищаешь её. Моя тетушка была убита горем, а эта девица специально разбила браслет, чтобы отомстить за то, что тетушка когда-то была против их союза.

— Ты что болтаешь?

— А что, не так? Разве не из-за того, что они не могли быть вместе, брат ушел на войну? А теперь, когда он погиб, она еще смеет злиться? Ссылка в деревню — это еще мягкое наказание. Если бы мы подали жалобу в уезд, её бы судили за нарушение женской добродетели!

Сяо Миньюэ шагнула вперед, указывая кнутом на Цзинь Шаоцзюнь:

— Еще одно слово, и ты пожалеешь.

Лин и управляющий Чжу бросились их разнимать. Лин толкала Сяо Миньюэ, крича:

— Ты, грубиянка! Видно, тебя совсем не учили манерам!

Сяо Миньюэ, не обращая внимания на толпу, схватила Цзинь Шаоцзюнь за воротник:

— Если вы не можете воспитать собственную дочь, мне приходится делать это за вас. Если она не научится приличиям, позор падет на ваш дом.

— Ты... — Лин, едва не плача, обратилась за помощью к старой госпоже.

Старая госпожа, и без того измученная, едва не лишилась чувств от поднявшегося шума. Лин тут же запричитала:

— Матушка, вам плохо? Где болит?

Сяо Миньюэ пришлось отпустить девушку, но, видя, как та дрожит, она не могла уйти просто так. В одно мгновение, прежде чем кто-либо успел среагировать, она сорвала с уха Цзинь Шаоцзюнь серьгу.

— Эти серьги я подарила сестре. Раз уж ты так хотела их себе... — взгляд Сяо Миньюэ стал холодным, как бездна. Она бросила серьгу в пруд и вызывающе посмотрела на Цзинь Шаоцзюнь. — Не видать тебе их.

Цзинь Шаоцзюнь, ощущая жжение в мочке уха, замерла в оцепенении.

Сяо Миньюэ почтительно поклонилась старой госпоже и произнесла:

— Я дружу с Цзюин, и раз она называет вас бабушкой, я уважаю вас. Но запомните: моя сестра носит фамилию Лу, а не Цзинь. Она из рода, который связан с самим императором, и это вы когда-то умоляли её прийти в ваш дом.

При упоминании императора присутствующие побледнели.

— За все эти годы сестра не сказала о вас ни единого дурного слова. Но если вы вздумали обижать её, пока меня не было, знайте: если с ней что-то случится, я не оставлю никого из вас в покое.

Сказав это, Сяо Миньюэ грубо оттолкнула Цзинь Шаоцзюнь и вышла прочь. Старая госпожа, шатаясь, прижала руку к груди, а Лин, открыв рот, смогла лишь прошептать:

— Совсем невоспитанная девица!

<http://bllate.org/book/20335/2031084>